

М. А. Алексеева
(Ферапонтово)

ИЗ ИСТОРИИ ДЕРЕВЕНЬ ВЕЛИЗИ ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ

Взгляд в прошлое помогает понять и осмыслить день сегодняшний. Мы живем на земле, которая на протяжении столетий возделывалась нашими предками. Связь с этой северной землей так глубока и прочна, что не помнить об этом — значит не думать о будущем, о тех, кто придет после нас. Всегда ли мы верны этой памяти, этим традициям? Сегодня немногие из нас знают о прошлом своего края из рассказов дедушек и бабушек. Но есть документы, которые помогают заглянуть в минувшие столетия, помогают понять жизнь деревень в историческом разрезе, задуматься о будущем.

Поколение людей, родившихся в 20-е годы текущего столетия, помнит, какими многолюдными были наши деревни. Понятия "неперспективных" деревень, "гниющих" деревень не существовало. Люди жили думая, что их деревни будут стоять вечно. К сожалению, изменения в этом плане произошли не в лучшую сторону. Сравните сами.

Крестьяне в XVI в. делились на владельческих (принадлежащих разным светским и духовным феодалам), дворцового ведомства московских царей и государственных — чернососных, живших волостными общинами на землях, не принадлежащих какому-либо владельцу, но обязанных выполнять определенные повинности в пользу государства. Государственные крестьяне несли повинности: дорожную — по строительству и содержанию дорог, ямскую — по перевозке почты, казенных грузов и должностных лиц, постоянную — по обеспечению постоя войск¹.

"Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда 1585 году", хранящаяся

в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, содержит редкие для XVII столетия данные по истории дворянских крестьян Белозерского уезда. Она включает описание 12-ти волостей: Заягорбской, Даргунской, Долгой Слободки, Усть-Угольской, Чуровской, Черетейки Малой, Милобудской, Иванова Борка, Федосьина Городка, Иваческой, Вотнемы, Липника Заозерского. На основании данных книги можно определить типы крестьянских поселений, количество проживавших в них дворянских крестьян, характер сельскохозяйственных угодий, величину живой и пустой пашни ². Эта же книга дает описание рыбных угодий — езол, сдаваемых посадским-городским людям города Белозерска и крестьянам края на сброк, указывает районы, в которых был развит государственный лебязий и соколий промысел, а также перечисляет места, где находились мельницы и центры по добыче железной руды.

В данной статье хочется рассказать о деревнях бывшей волости Федосьина Городка. В нее входили: село Федосьин Городок ³, деревни Среднее Тетерино, Кузьминка, Выркино на реке Шексне, деревни Ростани, Дьяков Починок, Ховроньино у юдина озера, у озера Буерко деревни Окулово (в которой жили крестьяне Осипко Парфентьев, Фомка Ефимов, Сидорко Ефимов, Кузька Лимитриев, Тренька Иванов, Васка Иванов, Наумко Сидоров, Филька Мечаев, Савка Левин) и Вскино (с крестьянами Ваской Истоминым, Ларей Климовым, Антропкой Ивановым, Никитой Ивановым, Куземкой Федоровым). В конце Бородаевского озера находились деревни Малино, Мыс, Прокопово, Горка, Степаново, Зайцево, Плешево, Филипово, Лукинское, в каждой из которых имелось по четыре-восемь крестьянских дворов; имена всех хозяев дворов перечислены в писцовой книге.

После голода и морового поветрия 1578 г. на месте бывших деревень образовались пустоши Балусево и Высокое, а у озера Буерко — пустоши Алексеево и Пугино ⁴.

Из вышесказанного следует, что деревни Гуляево и Гречухи появились после переписи 1585 г., а деревня Балусево возродилась вновь.

Всего в волости Федосьина Городка — село и 36 деревень, в которых 175 крестьянских дворов. К волости относились погосты: на реке Шексне у Горицкого девичьего монастыря, у Саральского озера с церковью Рождества Христова, у Бородаевского озера с

церквями Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы, поставленными заново после 1555 г.

С этой "волости ямских денег не платити, и посошные служб с них не наряжати, и городского дела им не делати". А вместо этого "бить" им ез — сооружение из бревен для ловли рыбы — на реке Шексне. На тот ез уходило большого леса 60 дерев длиною по 6—7 сажень, на перекладыны — 108 дерев по 12 сажень, а среднего лесу на грузила, на суковатины, на вилы — 60 дерев по 4 сажени, мелкого лесу — 900 жердей до 6 сажени. Кроме того 50 лесин на паром. Ез били с 6 недель 20 человек по весне на полой воде, как пройдет лед. С этого езу и девяти тоней на Ильин день и день Димитрия Солунского полагалось взить в Москву оброк царю и великому князю, состоящий из 15 осетров, 2-х пудов осетровой икры, 100 стерлядей вислых да бочки стерляди просоленной. А в каком году царь и великий князь отказывались от натурального оброка, крестьяне должны были платить деньгами 17 рублей и 4 алтын по 4 деньги.

К волости Федосьино Городка относились рыбные ловли на озерах Буерко, Сураарское, Мостовое, Харитоново, Юдино, Шайбар, Лукьяр, Мичаково, Бородаевское. "Четь того озера царя и великого князя, а три чети озера принадлежали Ферапонтову монастырю", а ловили из того озера волостные крестьяне деревень: Лукинское, Филипово, Плешево, Степаново, Горка, Зайцевс, Прокопово, Малино и деревни Мыса Загоскина.

Особенно большую известность в начале XVIII в. приобрели дворцовые рыбные ловли на Белозере и реке Шексне⁵. Стерлядь, выловленная здесь, поставлялась московскому и петербургскому царским дворам, поступала на рынок с дворцовых запасных дворов и всегда имела большой спрос. Рыбу подвозили подсоленную в летнее время или мороженую в зимнее, но чаще всего живую. Ее сопровождали крестьяне, это была еще одна повинность езовых крестьян. Но с 30-х годов XVIII в. рыбу стали сопровождать наемные работники, как правило, из собственных дворцовых крестьян.

В 1753 г. рыбные ловли на Шексне и в Белом озере были отданы в арендное содержание рыбопромышленнику Терентию Резвому с сыном Петром; те, в свою очередь, роздали промыслы в аренду крестьянам, обязав их рыбу сдавать только Терентию Резвому, который и устанавливал цену. Резвый держал в подчинении и все

мелькие крестьянские промыслы; таким образом к нему в зависимость попадали все крестьяне-рыболовы. Создавалось положение двойной зависимости. Такое же положение крестьян было и в других волостях, например в Тотемской, где вместе с соляными варницами в аренду сдавались 435 душ крестьян, к ним причисленных⁶.

Леса поручалось охранять "лутчим" крестьянам. Так, леса Федосьина Городка охраняли крестьяне Иванко Федоров, Тренька Васильев. "А хто учнет те леса сечи, и засушивати, и жечи, Завьяду Семенову с товарищи тех людей имати . . . да чинити им срок стати на Москве перед боярином и дворецким Григорием Васильевичем Годуновым"⁷.

Крестьяне Федосьина Городка брали под оброк земли на берегу Белого озера. Так, польцо Ильинское и пожня Сомятина были на оброке за Кудашем да за Фетьком за Окуловым детьми Зубова. Эти же крестьяне содержали за оброк мельницы на реке Куности, которые позже перешли Кириллову монастырю.

Начиная еще с ХУП в. началось переселение северных крестьян в Сибирь. Свсеобразными рынками рабочей силы стали города Вологда, Тотьма, Углич, Архангельск. Северные деревни пустели. Из 90 тысяч душ мужского пола, выбывших из своих деревень в ХУП и ХУШ вв., 38% ушли из-за смерти главы семьи и разорения крестьянского двора. В 1710 г. правительством было предписано выслать из Архангельской губернии в столицу на вечное поселение 555 семей, из Вологды — 167 семей, из Устюга — 23 семьи. Люди умирали в дороге и на работах, но в адрес Архангельской губернии шли грозные предписания выслать работников в Санкт-Петербургскую губернию к городскому делу. А в 1711 г. было назначено выслать на работу в Петербург 5048 человек, из них из Вологодского уезда — 1502 человека. Кроме того, люди направлялись в Воронеж и Азов, на строительство крепости на Двине, для проведения каналов (в 1719--1731 гг. — на сооружение Ладожского канала). Немалые тяготы в начальный период петровских реформ выпали на крестьянство и ремесленников Архангельской, Вологодской, Новгородской и Олонецкой губерний⁸.

Очевидно, в конце ХУШ в. земли бывшего Федосьина Городка стали принадлежать помещикам, а в ХІХ в. земли и деревни в Бородавском конце Федосьина Городка — помещикам Балькову и

Николаеву. Усадьбы этих владельцев находились в деревне Лукинское у Валькова и на месте бывшей деревни Горка — у Николаева. Крестьяне этих помещиков несли барскую повинность, часть из них была на оброке, как, например, крестьяне деревни Окулово.

Юридически крепостное право было отменено в 1861 г., но крестьяне еще на протяжении многих лет были в зависимости от помещиков. Получив малые земельные наделы или неплодородные земли, они вынуждены были ходить внаем к тем же помещикам.

По мнению историка П.А. Колесникова, в XIX в. количество крестьянских дворов и жителей в северных деревнях было максимальным. В начале XX в. больших изменений в численности жителей в деревнях бывшего Федосына Городка не произошло. С 1917 г. деревни Борсаевского конца Федосына Городка вошли в состав Филиповского сельского совета.

После Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. деревни остались без мужчин. А в 50-е годы кампания по агитации рабочих на восстановление разрушенных войной городов и подъем промышленности вызвали большой отлив из деревень молодежи. Затем трудные для деревни 60-е годы. И вот на территории бывшего Федосына Городка в Бородаевском конце, где сегодня земли совхоза "Родина", уже в наши дни исчезли деревни Гуляево, Прокопово, Федосово, Гречухи, хутор Хыба. Деревни Высокое, Горка, Степаново распались, очевидно, еще до начала XIX в., т.к. наши дедушки и бабушки в возрасте 80—90 лет только помнили названия этих деревень. Сердце сжимается от боли, когда задумаешься, что утрачены не только названия, утрачена пахотная земля, сенокосы, кормившие из века в век людей, утрачена связь поколений. И стоит оглянуться сейчас вокруг себя, с болью и тревогой видишь, что в оставшихся деревнях количество жителей с каждым годом сокращается: деревня Мыс — два хозяйства да в пять домов приезжают только на лето, Малино — два хозяйства с пенсионерами, два дома полуобитаемых, Есюнино — семь хозяйств да три дома, Окулово — пятнадцать хозяйств да один дом, Лесово — четыре хозяйства с пенсионерами да два дома, Балусово — два хозяйства и пять домов, Лукинское — три хозяйства да три дома. Неужели в ближайшие 5—10 лет не останется в названных да и других деревнях рабочих рук, будут жить только пенсионеры и приезжающие из городов отпусники? Начнут зарастать дороги и тропы, подобно

тому как с 1979 г. заброшена старая дорога из Верапонтова в Априллов — дорога с богатейшей историей; озера и реки будут забыты, брошены сенокосные дуга и пахотные земли, а потом исчезнет и память о том, как было когда-то, как жили люди, растили детей и хлеб, радовались и печалились, любили свою землю и свято верили, что земля эта мертвой никогда не станет. Имеем ли мы право предавать забвению все это и, возделывая новые земли, забывать о своей земле, которую по песчинке перебрали дугами наши предки? Может, еще не поздно разглядеть перспективу за "неперспективными" деревнями? Разве на самое главное — жить на родной земле, беречь и любить свою малую Родину, а значит беречь и любить Большую.

Примечания:

1 История СССР. М., 1975.

2 Лисцовая книга езовых дворцовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года. М.—Л., 1984, с. 4--5.

3 Село Федосин Городок располагалось на берегу Шексны на склоне горы Мауры, возле Горницкой пристани, где стоял двор и жил наместник князя, управлявший Белозерской волостью. Некогда село принадлежало княгине Федосии — дочери Ивана Калиты, жене белозерского князя Федора Романовича, погибшего на Куликовом поле.

4 Лисцовая книга езовых дворцовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года, с. 80--100.

5 История северного крестьянства, т. I. Архангельск, 1984, с. 190--196; Крестьянство севера России. Вологда, 1984, с. 94--95.

6 История северного крестьянства, т. I, с. 190.

7 Лисцовая книга езовых дворцовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года, с. 140--141.

8 История северного крестьянства, т. I, с. 196--197.

II

ВОСПОМИНАНИЯ
О ВАЛЕНТИНЕ ИВАНОВИЧЕ ВЬЮШИНЕ